

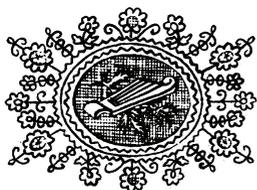
За Советскую 1963 — За Советскую Карелию. 1918—1920: Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963.

Петров 2002 — Петров Ф. О двух дядях Петях // Архив КарНЦ РАН. Фольклорная коллекция. Поступления 2002 г.

Осипов 2007 — Осипов А. Ю. Вяйнемейнен и Илмаринен против Красной армии // LiteraruS — Литературное слово. 2007. № 3. С. 16—19.

Разумова 2001 — Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001.

Тугарины 2008 — Тугарины. Портрет на фоне времени. Петрозаводск, 2008.



В. П. Ершов  
Петрозаводск

**«Калевала» о воспитании  
«подрастающего народа»**

«Калевала» — это памятник древней педагогики, «педагогическая поэма». «В народной педагогике раскрываются особенности *национального* (курсив мой. — В. Е.) характера, лицо народа», — справедливо писал ныне забытый В. А. Сухомлинский [Сухомлинский 1974: 161—162]. Предлагаемая статья является далеко не первой попыткой проследить народный опыт воспитания детей, их подготовку к трудовой, семейной жизни, понять психологию взаимоотношений детей и родителей, влияние общины-рода на детей. Еще в 1966 г. вышла небольшая работа З. М. Упоровой «Калевала в школе», в которой она показывает, насколько интересно это произведение в дидактическом отношении: «Она полна педагогических намеков и счастливых находок» [Упорова 1966: 7]. В 1979 г. издательство «Карелия» выпускает альбом детских рисунков «Дети рисуют „Калевалу“», в 1985 г. — учебное пособие для учителей начальных классов А. Ф. Мухиной и Л. И. Шитиковой «Младшим школьникам о „Калевале“» [Мухина, Шитикова 1985], в 1988 г. — моя книжка «Сказка — ложь, да в ней намек...» [Ершов 1988], несколько раньше одноименная статья в журнале «Наука и религия» [Ершов 1980]. В 1980-е юбилейные годы (1985 г. — 150 лет со дня выхода «Калевалы») выходят несколько статей

на эту тему, в том числе и газетных [Perttu 1983; Иванов 1984; Трубин 1984; Леттиева 1985; Мишин 1985; Тихомирова 1985; Прохорова 1986]. В 1992 г. в Саратове вышел сборник статей, посвященных народным традициям в воспитании подрастающих поколений, в том числе моя статья [Ершов 1992]. В 2008 г. выходит монография О. П. Илюхи «Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века» [Илюха 2008], где она показывает, как черты общественного быта карелов, особенности их жизненного устройства и менталитета крестьян нашли отражение в народной педагогике и в становлении школы. Автор указывает, что важными источниками для изучения народной педагогики в карельской деревне являются эпические произведения, загадки, пословицы, поговорки, сказки, колыбельные песни, частушки, игры и игрушки, этнографический материал, нравственные и трудовые традиции. Необходимо сразу оговориться, что, рассматривая карельские педагогические народные традиции, я в такой же мере активно провожу идею русской школы в Карелии, ибо педагогические традиции в культуре, фольклорных и этнографических материалах русского населения Карелии (Заонежье, Володозерье, Поморье) достойны лучшего применения, чем это делается сейчас. Это идея акад. И. Ф. Гончарова, последователем и учеником которого я являюсь.

Автор «Калевалы», создавая сюжетное эпическое полотно древней жизни наших предков, взял за основу ее рунический пласт. В то же время он органично вплел в него собственные педагогические взгляды, не разрушая поэзии. В этом произведении он выступает и как ученый-фольклорист, этнограф, и как поэт и просветитель [Сииккала 2009]. Может быть, ученым педагогам стоит изучить педагогические воззрения Э. Леннрота? По-моему, этим вопросом никто не занимался. Задача данной статьи – показать, как в текстах Э. Леннрота народный педагогический опыт облекается в эпические формы.

Рассмотрим, прежде всего, **ДОМ** – это стержень народной педагогики, он всегда, у всех народов был центром мироздания. Он был осью жизни и гнездом воспитания, он соединял поколения через беспрекословное подчинение авторитету старших, смирение перед сакрализованной мудростью традиции, перед примером – трудовым, нравственным – домочадцев [Шукин 1996: 141].

В широком смысле – «дом» в рунах «Калевалы» означает «родной край», родину, где родился, вырос человек и которому он дает опору и защиту. По К. С. Аксакову – это «твердо очерченная

местность с порогом и воротами» [Аксаков 1861: 326]. Патриотические чувства эпическая поэзия бережно вскармливала у подрастающего поколения. Вот знаменитый рунопевец Вяйнямейнен попадает во враждебную Похьелу и печалится. Это понятно, в древности ойкумена рода-племени была небольшой, все, что было за ее пределами, представляло опасность, было враждебным миром. Потому так болезненно переживает рунопевец свой отрыв от общины – родины:

Я на родине был славен,  
Дома был в великой славе...  
И пока я жив, страдаю,  
Что я родину оставил,  
Из знакомых мне пределов  
Прохожу в чужие двери,...  
В незнакомые ворота (Р. 7: 255–260).

Думаю, что и для современного человека этот плач Вяйнямейнена актуализирует патриотические чувства. Может быть, на чужбине сытней, вкусней, лучше, но... для эпического героя всего лучше было быть дома:

Не прошу чужой я пищи  
На чужбине самой лучшей;  
Всего лучше людям дома,  
Каждому там больше чести.  
Ниспошли, о Боже добрый,  
Вновь домой мне возвратиться,  
Вновь на Родину вернуться!  
Лучше лаптем воду черпать  
У себя в родной сторонке,  
Чем в стране чужой, далекой  
Мед сосудом драгоценным (Р. 7: 255–260).

Здесь каждая строка – педагогический перл, золотое слово... Тема родного дома, его дидактического значения проходит через все произведение Э. Леннрота. Оппозиция – «свой дом – чужой» – рефрен многих рун. Чужбину они рисуют метафорически-черными красками: «частвокол там из железа» и «стоят как колья копья, змеи в них переплетены», «там герои все с оружием, опоясаны мечами и озлоблены от пьянства» (Р. 26: 225–290).

Мифологически дом – центр мироздания, он объединяет все поколения, он залог стабильности, нравственных отношений между поколениями, он – олицетворение родной природы и космического устройства. Славу дому поют рунопевцы, и вместе с ними – создатель «Калевалы»: «Славен дом со всем народом, / С *детьми* в избе дощатой» (Р. 25: 210–220). Человек без дома – сирота, несчастный, «для него не светит солнце». Бездомность – синоним сиротства, лишения всего – семьи, одежды, пищи, средств к существованию. Эта идея была актуальна и для Древней Руси [Лихачев 1984: 18].

В сакральном значении дом – это святилище. И карело-финский эпос это особо подчеркивает. Этнографы рассматривают карельское жилище как важнейшую часть духовной и материальной культуры народа [Байбурин 1983]. Магическая функция дома имела в народной педагогике свое особое место. Она вводила ребенка в мир семиотических сущностей, через ритуалы, обряды, обычаи, праздники давала ему жизненно важную информацию, активно участвующую в формировании духовного мира человека, включала его в контекст циклического времени. Дом как микрокосм, его моделирующая сущность связывала человека с законами космической гармонии. Все элементы избы находили аналогии с космическим устройством: кровля, балки, потолок, притолоки, лавки, пол, окошки, дверь, порог и т. д. – все это было упорядоченное пространство для человека и упорядочивало его внутренний мир. Они служили не только и даже не столько утилитарно, сколько были носителями сакральной информации, определяющей место человека в доме и на земле, формировали этикетные отношения, взгляды и представления об окружающем мире. Рунопевцы пели о событиях – радостных и печальных, бытовых и праздничных и им внимали печка, лавки, окошки... они оживотворялись и включались в круг людей и событий:

Он играл в своем жилище,  
В собственном сосновом доме:  
И звучала кровля дома,  
И дрожал весь пол жилища,  
Потолок пел, пели двери,  
Восклицали все окошки,  
Каменная печь качалась,  
Притолоки все звучали...

(Р. 44: 315–325; см. также: Р. 38: 70–75;  
Р. 46: 230–240, 279–280; Р. 50: 1–15)

Думаю, что Э. Леннрот был знаком со славянофильской концепцией «дом — теплое гнездо» (Хомяков). Это эпическое единение жилища с домочадцами мы видим и в 25 руне: в дом возвращается хозяин: и радуются не только родные, но и «крыша золотая», «сильно радовались окна», «все трещала ручка двери о руке твоей в колечках / И порог склонялся ниже, / Отворялись двери сами», изба весело вертелась, волновались пол, овины, двор вокруг все озирался, наклонялись амбары...». Одним словом, жизнь дома и человека в доме подчиняется законам природосообразности, соборности, любви.

Но народная педагогика понимает — мало иметь родной и крепкий дом, мало родить ребенка, надо воспитать его, вырастить его умелым, добрым, счастливым. Без этого даже «под родительскую кровлей» он не обретет рассудка мужа:

Под родительскую кровлей  
Он не сделался умнее,  
Не обрел рассудка мужа,  
Ибо дурно был воспитан,  
Глупо в люльке был укачен,  
Воспитатель был неумный  
И укачиватель глупый (Р. 35: 4—11).

Знакомство с народной педагогикой «Калевалы» удивляет глубиной педагогической мудрости, зрелости. Наши предки хорошо понимали, что будущее — в детях. Трагедией было, когда ребенок лишался дома, отца, матери:

Ой ты, Укко, бог верховный,  
Никогда на этом свете  
Не твори дитя несчастным,  
Чтоб дитя сироткой было,  
Без отца бы проживало  
И без матери осталось,  
Как меня ты создал, Укко (Р. 34: 55—60).

Эпос сложился примерно две тысячи лет назад. И уже тогда понимали, что ребенок-сирота чаще всего вырастает неумелым, несчастным, жестоким, не знает, что такое сострадание, т. е. он оказывается вне нравственных устоев общины. Хотя в те времена род не оставлял сироту один на один, община была в ответе за него.

Дом — это, прежде всего, разумный уклад жизни, основанный на труде. Э. Леннрот насыщает руны трудовыми описаниями. Девушка «прежде солнышка проснулась, И белье уже колотит, / Платье чисто полоскает» (Р. 18: 43–46) или ей надо «хлев убрать, смотреть за стадом, / Да вертеть тяжелый жернов, / Что б муку смолоть помягче» (Р. 18: 491–494). Помягче! Т. е. как покрутишь жернов, такую кашу или муку и получишь. Я знаю, как это трудно: мое утро начиналось с жернова во время войны в Архангельской обл., а затем уже была кашка, из того, что намолот. И у юноши не было свободного времени: «Наточить топор мне нужно, / Расколоть им пень огромный, / Дров для топки заготовить», — перечисляет руна все его занятия (Р. 18: 518–521). В труде формировалась личность ребенка, его трудовые навыки, в примере взрослых дети видели трудовой стереотип жизни.

Я учился только дома  
За своим родным забором,  
Где родимой пела прялка,  
Стружкой пел рубанок брата,  
Я ж совсем еще ребенком  
Бегал в рваной рубашонке...

Особое внимание эпос обращает на воспитание девушки — будущей жены, матери. Отчий дом был хорошей школой в этом отношении: «нужны девушке советы, / поучить невесту нужно...». Вся 23 руна по существу направлена на воспитание личности женщины. Несмотря на редакторскую работу Э. Леннрота, в рунах (песнях) «Калевалы» отчетливо просматриваются отголоски матриархальной семьи. Народная педагогика хорошо знала, с какими трудностями девушка встретится в чужом доме (мужа) и потому в поэтическую форму облекала советы, как вести себя с новыми родственниками, чтобы избежать конфликтов с мужем, свекровью, свекром, золовками:

Чистоту свою храни ты!  
Добродетель в доме ценят,  
В добром доме чистых нравов (Р. 50: 605–610).

«В чужом доме все иначе, / Все иначе в том хозяйстве», поэтому, «как пройдешь, подумай прежде», «лень свою ты выкинь на пол,

/ Нравам новым научайся...». Каждый стих — это мудрый совет, а в целом — развернутый стереотип поведения молодой хозяйки в доме мужа. В невесте ценились не только красота, но умение вести хозяйство, прясть, ткать, белить холсты, стирать. Невеста Лемминкяйнена, юная Кюлики работает красиво, сноровисто (Р. 11: 375—380).

Особо надо сказать о *нравственном аспекте* песен «Калевалы»: осуждение зависти, агрессивности, самоуверенности, кичливости и грубости мы видим в ее текстах. Руна третья рассказывает о состязании Еукахайнена с Вяйнямейненом. Сколько здесь уважения к истинным знаниям, к познанию и осуждения верхоглядства и кичливости (Р. 3: 20—40)! Руна 24 учит благодарности за учебу — родителям за то, что дали жизнь, воспитали, вырастили, научили всему, старшим братьям и сестрам:

Уж и батюшке родному  
За всю жизнь мою спасибо,  
За еду, что я поела,  
За отборные кусочки.  
Уж и матушке спасибо,  
Что меня, дитя, качала,  
Что малюточку носила,  
Что меня кормила грудью.  
И тебе спасибо, братец,  
И тебе, моя сестрица!  
И спасибо всем в семействе... (Р. 24: 338—347).

Карельская народная педагогика осуждает насилие<sup>3</sup>. Руна четвертая, например, не одобряет насильственную выдачу девушки замуж:

Матери! Вы не качайте  
Никогда в теченье жизни  
В колыбелях ваших дочек,  
*Не воспитывайте* деток,  
Чтоб насильно выдать замуж (Р. 4: 439—444).

В ней мы находим поэтически оформленные советы молодому мужу:

---

<sup>3</sup> Насколько актуальна проблема ненасилия в обучении, говорят многочисленные работы педагогов по этой проблеме: педагогика ненасилия ярко представлена в «Беседах о покаянии» святителя Иоанна Златоуста // Обучение с целью уменьшения насилия: Сб. науч. ст. по проблемам педагогики ненасилия. СПб., 2002.

Ты не вздумай, муж несчастный,  
Поступить с девицей дурно,  
Поучить ременной плеткой,  
Как рабу кнутом ударить.  
Перед нею стань стеною,  
Чтоб свекровь ее не била,  
Чтобы свекор не бранился...  
Ты советуй ей в постели,  
Год учи ее словами,  
А другой — учи глазами (Р. 24: 187 и далее).

Кстати, О. П. Илюха в своей монографии обращает внимание, что карельских детей дома не били, им многое прощалось; это, видимо, формировало характеры самостоятельные, независимые, основанные на чувстве личного достоинства [Илюха 2008: 70–72]. Вся 24 руна «Калевалы» учит юношу быть мудрым хозяином дома, заботливым мужем, отцом, опорой старым родителям. Эти поэтические рекомендации мотивируются категориями «хорошо — плохо». Не менее значимым был *метод осмеяния*: «на деревне все увидят, / Станут женщины смеяться» (Р. 24: 258)<sup>4</sup>. Боялись, стыдились делать плохое. Категория стыда часто встречается в рунических песнях: «Стало мне неловко, / Стыдно стало и неловко...» (Руна «Сватовство в Хийси», вариант 20)<sup>5</sup>. Смеховый мир древней карело-финской общины еще ждет своего исследователя, но уже Э. Леннрот, видимо, понимал, что смех, ирония занимали важное место в жизни и в воспитании подрастающих поколений.

Эпос был эффективным методом воспитания молодежи. Это было высокое искусство, которое звучало и в рыбных тонях, в лесу под елью, в избах на праздниках. А искусство всегда воспитывает, пробуждает в душе сильные и лучшие чувства. Молодые слушали и воспринимали науку жизни. Э. Леннрот специально показывает этот процесс песнопения, его педагогическую функцию: прославление доброго хозяина и хозяйки, невестки, хлебосольного дома; доброго слова заслужили от рунопевца и все гости. Слушая рунопевцев, молодые учились, запоминали и исполняли затем в тайне, чтобы никто не слышал. Это было проявлением уважения к старшим, к традиции. «В

---

<sup>4</sup> Осмеянию общины подвергались забеременевшие девушки без свадьбы: «Стал живот расти, / Люди вокруг смеяться...». Руна «Сватовство в Хийси», вариант 9 // Эпические песни Южной Карелии / Сост. В. П. Миронова. Петрозаводск, 2006: 45, ст. 11–12.

<sup>5</sup> Сватовство в Хийси // Эпические песни Южной Карелии. 127, ст. 13–14.

этом табу – педагогическое требование уважать старших, их возраст. Исполнитель рун должен обладать мудростью, достоинством, иметь осмысленный жизненный опыт», – пишет О. П. Илюха [Илюха 2008: 61–62]. Правда, она же приводит пример обучения пению рун с 12 лет<sup>6</sup>. Усвоив эпическую традицию в детстве или в молодости, исполнили руны лишь в зрелом возрасте:

Петь меня *учил* родитель,  
Мне отец слова оставил,  
И его *учил* родитель...  
(Карело-финский народный эпос:  
В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 7)

Руны учат, осуждая или поощряя, воспевая или осмеивая. *Учат!* В рунах «Калевалы» часто встречается педагогическая терминология: «научили», «воспитали», «вразумили», «наставление»; прослеживаются методы воспитания: «требование», «пример», «убеждение», «благословение», «уговор», «приказ», «запрет», «угроза»:

Уж девицу *научили*,  
Уж девицу *вразумили* (Р. 24: 1–5).

Искусство рунопевца – это бесценный педагогический капитал, это школа нравственности и мудрости. Э. Леннрот понимает значение песенной традиции, ее важную педагогическую и эстетическую функции: пение старин делает жизнь краше, радует душу, учит мудрости. Уважение, почитание, развитие песенной традиции – это педагогика в действии. Этой теме посвящена и 21 руна – искусству петь, значению рунопевца, приносящего радость и сакральный смысл песнопения.

Через мифологическую оболочку рун четко прослеживается педагогическая память народа. Конечно, миф и руны идеализируют реальность, как и всякое искусство. Без идеала нет искусства! Как и процесс воспитания безжизнен без идеала, примера, вдохновения.

---

<sup>6</sup> «Самым юным из певцов рун, с кем довелось общаться Э. Леннроту, был 15-летний Лукани Хуоттари из д. Понкалаhti... этот мальчик, чей возраст приближался к юношескому, исполнял руны лишь во время пути, когда не было взрослых свидетелей его поступка» [Илюха 2008: 62]. В 1937 г. В. Я. Евсеев записывал руны «Вести о смерти родных» от шестилетнего Вани Архипова (Эльмитозеро, Петровский р-н; Эпические песни Южной Карелии. 233).

Это и называется воспитанием! Прав Е. М. Мелетинский: «Ни в каком другом эпосе... пафос трудового и „поэтического“ освоения мира не получил такого полного развития» [Мелетинский 1986: 80].

«Калевала» – современное произведение. «Леннрот... приблизил древний мир к современности», – говорил на конференции, посвященной 150-летию «Калевалы», Э. Г. Карху [Карху 1986: 17]. И, может быть, поэтому оно так ярко и зримо выявляет современные смыслы. Я имею в виду, прежде всего, педагогические. Финский исследователь Лаури Хонко назвал «Калевалу» «продолжающимся процессом», т. е. памятником, вызывающим различные интерпретации – исторические, мифологические и, конечно, педагогические [Хонко 1986: 27].

## Литература

- Аксаков 1861 – Аксаков К. С. Полное собр. соч. М., 1861. Т. 1.
- Байбурин 1983 – Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Дети рисуют «Калевалу» / Сост. В. О. Поляков. Петрозаводск, 1979.
- Евсеев 1986 – Евсеев В. Я. К вопросу об историзме карело-финских рун // «Калевала» – памятник мировой культуры. Петрозаводск, 1986. С. 37–42.
- Ершов 1980 – Ершов В. «Сказка – ложь, да в ней намек...» (Об изучении карело-финского эпоса в школах Петрозаводска) // Наука и религия. 1980. № 11.
- Ершов 1988 – Ершов В. «Сказка – ложь, да в ней намек...». Петрозаводск, 1988.
- Ершов 1992 – Ершов В. Традиции народной педагогики в карело-финском эпосе «Калевала» // Традиционное и новое в культуре народов России. Саранск, 1992.
- Иванов 1984 – Иванов В. П. Уроки «Калевалы» // Ленинская правда. 1984. 30 авг.
- Илюха 2008 – Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. Петрозаводск, 2008.
- Карху 1986 – Карху Э. Г. «Калевала» – выдающийся памятник карельской, финской и мировой культуры // «Калевала» – памятник мировой культуры. Петрозаводск, 1986. С. 8–19.
- Лихачев 1984 – Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.
- Леттиева 1985 – Леттиева Г. «Уроки «Калевалы» в школах Карелии», на карельском языке // Punalippu. 1985. N 6.
- Логинов 1992 – Логинов К. К. Интерьер крестьянской избы в обрядности и верованиях заонежан // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992.

Мелетинский 1986 – Мелетинский Е. М. «Калевала» в сравнительном освещении // «Калевала» – памятник мировой культуры. Петрозаводск, 1986. С. 79–81.

Мишин 1985 – Мишин А. И. Читаем, рисуем, поем «Калевалу» // Комсомолец. 1985. 28 февр.

Мухина, Шитикова 1985 – Мухина А. Ф., Шитикова Л. И. Младшим школьникам о «Калевале». Петрозаводск, 1985.

Прохорова 1986 – Прохорова Р. Песни «Калевалы» (в школах Карелии) // Музыка в школе. 1986. №

Сииккала 2009 – Сииккала А. Л. Элиас Леннрот как этнограф // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Петрозаводск, 2009.

Сухомлинский 1974 – Сухомлинский В. А. Переписка с Г. Н. Волковым // Волков Г. Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974.

Трубин 1984 – Трубин А. Рисуют дети // Комсомолец. 1984. 11 февр.

Тихомирова 1985 – Тихомирова В. Уроки добра и красоты // Ленинская правда. 1985. 6 февр.

Упорова 1966 – Упорова З. М. «Калевала» в школе. Петрозаводск, 1966. См. также: Urova Z. / Kalevala kouiusa // Neuvosto-Karjala. 1974. 1. maalisk.

Хонко 1986 – Лаури Хонко. «Калевала» как процесс // «Калевала» – памятник мировой культуры. Петрозаводск, 1986. С. 20–30.

Щукин 1996 – Щукин В. Г. Дом и кров в славянофильской концепции. Культурологические заметки // Вопросы философии. 1996. № 1.

Perttu 1983 – Perttu M. Tuntevatko lapset Kalevalaa // Neuvosto-Karjala. 1983. 6 toukkok. (на карельском яз.).